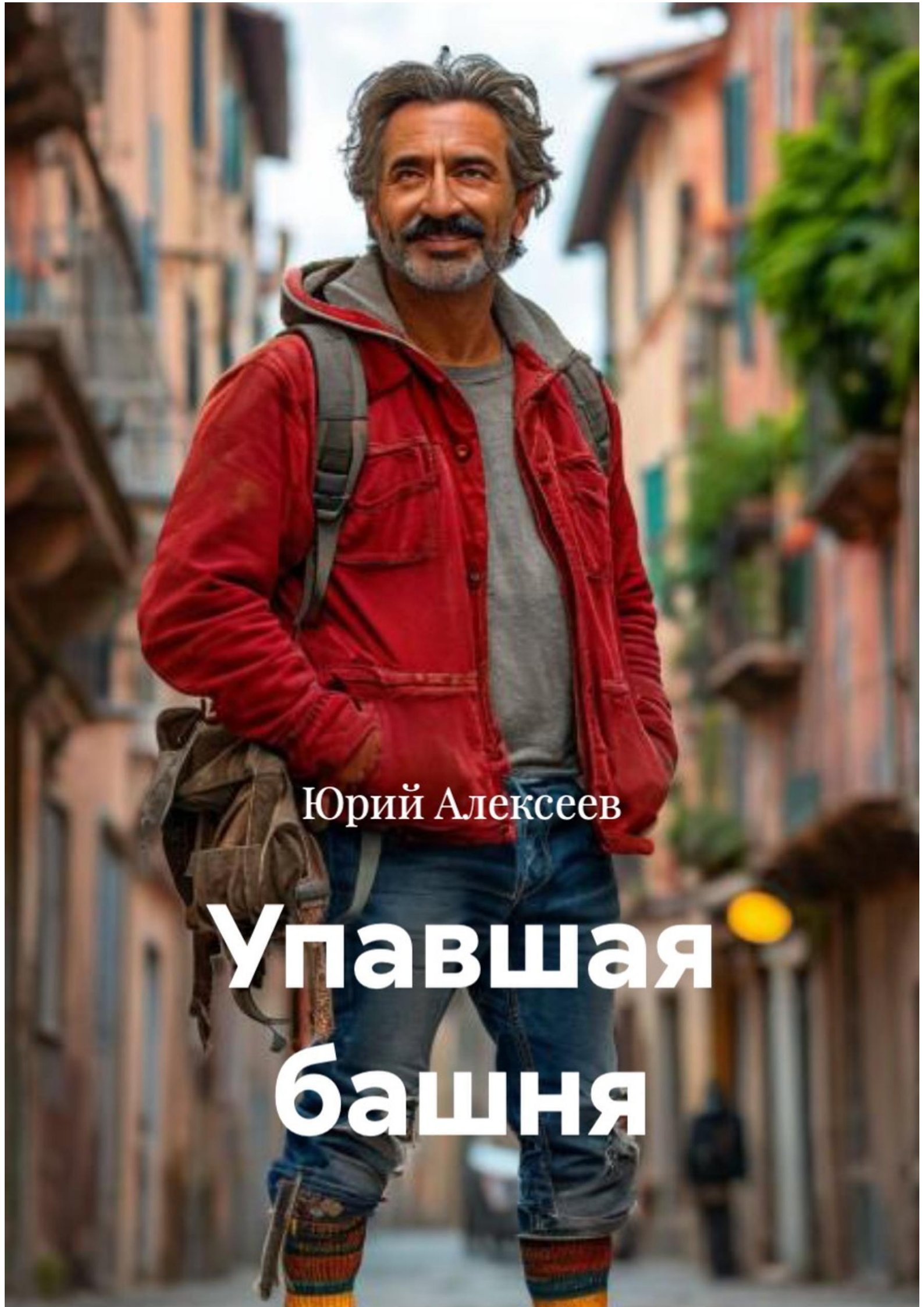

A full-body photograph of a man with grey hair, a beard, and a mustache. He is wearing a red jacket over a grey t-shirt, blue jeans, and colorful patterned socks. He has a backpack and a bag slung over his shoulder. He is standing in a narrow European street with colorful buildings in the background.

Юрий Алексеев

Упавшая башня

Юрий Алексеев
Упавшая башня

«Автор»

2026

Алексеев Ю. А.

Упавшая башня / Ю. А. Алексеев — «Автор», 2026

Энрико — обаятельный мужчина с яркой харизмой, который внезапно появляется в жизни Яны в ярких носках и с лёгкой улыбкой человека, привыкшего нравиться. На первый взгляд, он — идеальный романтический герой: остроумен, заботлив и страстно любит Италию, её культуру и кухню. Он привносит в её мир свет, смех и неожиданное чувство дома. Но Энрико погибает при трагическом взрыве в Пизе, оставив Яну и их дочь Веру одних. Но детали не сходятся: его исчезновение странно, свидетели противоречивы, а некоторые «случайные» события выглядят слишком предусмотренными. Был ли взрыв действительно несчастным случаем или тщательно спланированной ловушкой? Какую роль в этом сыграла итальянская мафия, и был ли Энрико действительно тем, кем казался — или за его улыбкой скрывалась другая жизнь, которую он не мог раскрыть даже Яне? Каждый новый свидетель или встреча открывают новые грани его личности. Энрико становится загадкой, которую Яна обязана разгадать, чтобы понять, что произошло на самом.

© Алексеев Ю. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	6
2	8
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юрий Алексеев

Упавшая башня

Упавшая башня

1

– Лестница и правда совсем косяя, мам! – крикнула Вера сверху вниз.

Опираясь обеими руками о внешнюю стену, дочь отважно поднималась – ступень за ступенью – по всем 297 ступеням башни. Её рыжая коса плясала по спине, а новые джинсовые шорты Levi's и белая кружевная блузка придавали ей неожиданно девичий вид. Обычно она пропадала с мальчишками из четвёртого класса на футбольном поле, но в эти майские каникулы вдруг проявила интерес к розовому цвету, кружевам и куклам. То, что Энрико неизменно называл её *mia principessa*, без сомнения, сыграло в этом свою роль.

– Ты умница, у тебя отлично получается, – крикнула вверх Яна ободряюще и по собственному голосу поняла, что запыхалась. Само по себе это было странно: годы работы в их ресторане обеспечили ей отличную физическую форму. Возможно, возраст всё-таки начал напоминать о себе – как и намекал Энрико на её сорок пятый день рождения. То, что он был на семь лет моложе, никогда не имело значения за все одиннадцать лет их отношений, но в последнее время его шутки всё чаще вращались вокруг этого.

– Я на месте! – донёсся крик Веры, и дочь исчезла из поля зрения. Яна позволила группе китайских туристов, покорно следовавших за своим скучающим гидом, пройти вниз, и перевести дух, но, увидев просторную панораму Пьяцца Мираколи, она сразу поняла, ради чего совершила подъём. Беломраморный собор, округлый баптистерий и вытянутый Кампосанто – как белая пауза между ударами сердца площади – обладали той самой идеальной человеческой соразмерностью. А на фоне красноватого центра Пизы казалось, будто город ещё много веков назад решил, что его лучше всего рассматривать с высоты птичьего полёта.

– Невероятно, что этим зданиям уже больше восьмисот лет, – тихо сказал Энрико, подходя с Верой, болтающейся у него на руке. – Я и забыл, как далеко отсюда видно. Башня всего пятьдесят пять метров высотой, а можно разглядеть Арно, горы за Луккой – и смотри, вон там море.

Яна проследила за указательным пальцем мужа и действительно увидела на горизонте тонкую синюю черту. – А где, собственно, стоял твой родительский дом?

– Вон там, у порта, – показал он и, не дав ей уточнить, где именно, подхватил Веру и поднял вверх. – А вот там находится крупнейшее святилище.

Повиснув на метр над землёй, дочь расхохоталась. – Пап, да это же футбольный стадион.

– Верно, – сказал он, снова поставив её на землю. – После еды футбол – единственная...

Вера ткнула его локтем. – Пойдём, пап! Кто первый внизу!

Дочь юркнула в лестничный пролёт, а Энрико театрально вскинул руки. – Ah, le donne italiane! Их воля – закон.

Яна улыбнулась, наблюдая, как и её муж устремился вниз по истёртым ступеням. С тех пор как они неделю назад приземлились на его родине, итальянские корни Энрико проявлялись всё ярче: жесты стали резче, интонации – певучее, и даже тёмные кудри, казалось, вились более дико. Здесь он был безусловно дома. И она теперь ещё меньше понимала, почему все эти годы он не хотел сюда возвращаться.

Спуск оказался куда быстрее, и уже через три минуты она стояла на площади. Пришлось на мгновение прищуриться от яркого солнца, после чего она увидела мужа, оживлённо беседующего с одним из охранников башни. Крепкий мужчина в военной форме, с ручной гранатой, дубинкой и автоматом наготове, по-братски хлопнул Энрико по плечу.

– Ваш муж – комик, – рассмеялся охранник, когда она подошла ближе.

– Я знаю, – ответила она на своём ломаном итальянском. – Мы каждый день живём в его комедийном шоу.

Энрико обнял её за плечи. – Пойдём, милая, время за мороженым.

Они помахали охраннику, который уже снова сосредоточенно следил за нескончаемым потоком туристов, и, обнявшись, пошли по газону в сторону городской стены. Привычное тело Энрико словно было создано точно по её мерке.

– Пап, а нам правда можно мороженое? – спросила Вера, вприпрыжку кружась вокруг них. – Мне так жарко!

Энрико кивнул. – Моей маленькой принцессе я ведь ни в чём не могу отказать. Я сам быстро сбегаяю.

– А можно с тобой?

– Да ну, я туда-обратно за минуту. А ты пока посиди здесь с мамой.

Вера наклонила голову и внимательно посмотрела на него. – А ты точно знаешь, какой вкус я хочу?

– Два шарика клубничного, верно?

Сражённая феноменальной памятью отца, она устроилась в траве рядом с Яной и принялась выискивать сверчков между стеблями.

– А мороженое не растает, пока ты вернёшься? – с тревогой спросила Яна.

– Дорогая, лучшая джелатерия тут буквально за углом. Он указал на узкий переулок слева от величественного здания с красной штукатуркой. – Рядом с тем палаццо. Меньше двух минут пешком.

– Тогда мне – малиновое с тёмным шоколадом, – сказала она, но он перебил её, наклонился и поцеловал в лоб. – Я и так это знаю.

Энрико сорвался с места и побежал через газон. В шортах, кроссовках и поло он выглядел удивительно молодо. На кухне же – в накрахмаленной поварской форме и с глубоким голосом – он излучал куда большую солидность.

Вера тихонько напевала песенку сверчку, которого уже держала в ладони. Яна прислонила голову к нагретой солнцем стене и на мгновение закрыла глаза. Усталость всё ещё сжимала её изнутри. Последний год они работали изо всех сил, стараясь сделать La Meraviglia прибыльной. По вечерам ресторан был полон – дело было не в гостях. Но расходы никак не удавалось взять под контроль. Во время этого отпуска они запланировали несколько встреч, чтобы найти местных, более дешёвых поставщиков. Возможно, тогда они смогут...

Оглушительный взрыв разорвал её мысли. Окна задрожали в рамах. Вера вскочила на ноги. Они слышали крики и увидели над городом поднимающееся облако дыма. Туристы бросились врассыпную. Где-то завывала сирена. Охранники побежали по площади.

– Бомба- закричал мужчина, промчавшийся мимо них. – Бомба!

– Что происходит? – закричала Вера.

Яна усадила дочь к себе на колени и сама начала дрожать всем телом. В переулке рядом с палаццо языки пламени взметнулись выше крыш. Люди с обожжённой кожей, спотыкаясь, вываливались из клубов дыма. Чёрт возьми, где Энрико?

– Мама! Где папа?

Она прижала Веру к себе ещё крепче и прошептала ей в волосы:

– Он сейчас придёт, солнышко. Папа уже идёт.

2

Она услышала, как открылась дверь её спальни, и сразу поняла, что вошла мать, но не отреагировала.

– Яна?

Она лежала совершенно неподвижно, с закрытыми глазами.

– Яна? Ты проснулась?

В ответ она со стоном натянула одеяло на голову.

– Мы ждём тебя внизу. Ты придёшь?

Яна покачала головой, но ничего не сказала.

Мать прошла дальше в комнату и села на край кровати. – Рождественский завтрак уже на столе. И Вера так хочет открыть подарки. Ну же, милая.

Образ взволнованной дочери рядом с пустым местом за столом мгновенно вызвал у неё тошноту. Как можно праздновать Рождество без Энрико? Без его неуёмной энергии и бесконечного потока шуток? Без его рождественской истории про храбрых ангелочков? Как они все могут продолжать жить так, будто ничего не случилось?

– Я не могу, – наконец сказала она.

Мать вздохнула. – Я знаю. Это ужасно. Нам всем больно. Мы до сих пор не можем в это поверить. Прошло уже семь месяцев, и...

– Уже? Ты хочешь сказать – всего семь месяцев. Такое чувство, будто это было вчера.

Мать провела рукой по пуховому одеялу и поднялась. – Хорошо, оставайся лежать. И всё-таки – с Рождеством, милая.

И ещё до того, как дверь спальни закрылась за матерью, по её щекам потекли слёзы. Она не хотела отгораживаться от всех. Не хотела быть такой резкой с родителями. Хотела быть хорошей матерью для Веры. Но иначе она не могла. Казалось, после смерти Энрико из неё навсегда вытянули собственную сущность и жизненную энергию. Словно умерла и она сама – только по ошибке осталась здесь.

Она не имела ни малейшего представления, как когда-нибудь сможет вернуть себя к жизни. Она выключила прикроватную лампу и свернулась калачиком, в позе эмбриона. Может быть, теперь ей удастся уснуть.

Она приколола над письменным столом рисунок Веры: большой праздничный торт с ровно сорока шестью свечами. Первый день рождения без Энрико. Утром она всё же села за стол к завтраку. Пела вместе со всеми, распаковывала подарки, долго обнимала дочь. Потом даже отвела Веру в школу и пожала руку её учительнице.

– Удивительно, как быстро Вера почувствовала себя в классе как дома, – сказала молодая женщина

Яна вежливо кивнула и, ни на кого не глядя, быстро уехала на велосипеде. Лишь когда она оказалась у родительского дома, она снова смогла глубоко вздохнуть. Обычное функционирование всё ещё требовало от неё огромных усилий.

Яна села за письменный стол и стала открывать ящики в поисках ручки. Бумаги нотариуса нужно было подписать до первого марта. Она откладывала всё до последнего, но теперь должна была действовать. Тем более что ресторан был окончательно признан банкротом.

В одном из ящиков она нашла свою первую книгу о пасте. Яна провела рукой по испачканной обложке. На фотографии – паста all'amatriciana, абсолютный фаворит Энрико. Сделать этот, на первый взгляд простой, соус особым и означало подлинное мастерство повара, говорил он всегда.

Она пролиставала книгу, и перед ней возникли все знакомые рецепты. Когда-то Энрико касался этих же страниц. Слёзы снова подступили к глазам. Она больше никогда не попробует его пасту Альфредо и не сможет оценить его новую версию спагетти *alle vongole*.

Вдруг она захлопнула книгу. Готовить. Вот что ей нужно было делать. Это был бы лучший способ держать Энрико рядом с собой. Она схватила сумку и с энергией, какой не чувствовала уже много месяцев, сбежала по лестнице, влетела в пальто и выскочила наружу. Сначала – на рынок, а потом ещё до обеда взяться за дело. Она не могла дожидаться.

– Мам, как вкусно пахнет, – сказала Вера, наклонившись над *stufato di manza*. Яна едва успела спасти её косу от тушёного мяса.

– Хочешь попробовать? – спросила она, ополаскивая ножи.

– Нет, спасибо, – сказала Вера и уже мчалась к задней двери. – Я пойду поиграю на улице. Во сколько мы будем есть?

Ещё прежде, чем Яна успела ответить через час, Вера уже исчезла. Дочь вприпрыжку сбежала по садовой дорожке – точно так же, как когда-то в детстве делала она сама. Было трогательно, что родители приняли их к себе после теракта. Тем более что из-за долгов она больше не могла оплачивать аренду собственной квартиры. Но Яна понимала: они не смогут оставаться здесь вечно.

– Дорогая, снова божественный аромат, – сказал отец, входя на кухню. – Хочешь бокал красного вина?

Ее отец был дипломатом в Нидерландах, поэтому все свое детство Яна провела в этой стране, им повезло (или отец так смог устроить), что они никуда не переезжали и жили все время в Гааге, в доме из которого открывался замечательный вид на Северное море.

Она прекрасно говорила по-голландски и по-английски, начав разговаривать на них раньше, чем по-русски. Даже сейчас, хотя разговорный русский у нее ей был прекрасный, она предпочитали писать по-английски.

– Пойдёшь с нами в оранжерею? Мы с мамой хотим кое-что с тобой обсудить. – Не дожидаясь ответа, он наполнил три бокала, добавил миску с чипсами и поставил всё на поднос.

Хотя ей было уже сорок шесть, в таком тоне отца трудно было послушаться. Он был добрым человеком, но строгим отцом. Её брак с Энрико стал её самым большим актом неповиновения. В своё время он был категорически против, считал Энрико ей не ровней, но после свадьбы всегда поддерживал их.

Она убила огонь и пошла в оранжерею. Мать уже устроилась в своём любимом кресле.

– Садись поудобнее, милая, – сказала она, указывая на место рядом с собой.

Яна скинула обувь и свернулась в кресле. – Говорите. В чём дело? Вы хотите, чтобы я начала искать собственное жильё? Я понимаю, но...

– Но-но, – сказал отец, делая успокаивающий жест. – Речь совсем не об этом. Ты и Вера можете оставаться здесь столько, сколько вам нужно. Мы понимаем твоё сложное финансовое положение. Конечно, стыдно, что Энрико оставил вас в таком разорении, но...

– Боря, сейчас речь тоже не об этом, – с улыбкой перебила его мать. Она всегда умела мягко направлять мужа.

– Мы хотели бы предложить тебе съездить в отпуск.

– В отпуск? Но у Веры школа, и у меня ни гроша.

Родители рассмеялись одновременно.

– Именно такой реакции мы и ожидали, – сказала мать, отпив вина. – Но прошёл уже год. Вера здесь успокоилась, а ты в последние недели, благодаря готовке, заметно выбралась из своего горя. Мы правда гордимся тобой и считаем, что пришло время подумать о себе. Просто немного пожить в удовольствие. Мы заплатим.

Яна могла бы назвать как минимум десять причин, почему отпуск сейчас – не лучшая идея. Но мысль о передышке звучала слишком заманчиво. И она точно знала, куда хотела бы поехать. Уже некоторое время её ждало приглашение. Она сжала руку матери.

– Какой прекрасный подарок. Спасибо вам большое.

3

Они познакомились с Энрико в поезде. Яна ехала из Москвы в Архангельск: отца вернули в Россию, и он ожидал официального увольнения со службы, чтобы затем снова вернуться в Гаагу и зажить там почётным пенсионером. Родители были расстроены, хотя событие это и было ожидаемым. Яна же радовалась возможности пожить в России и много путешествовала – в основном поездом, поскольку в Европе не бывает таких поездов: стучащих, колоритных, с дальними переездами по нескольку дней.

Из Москвы она выезжала одна. В купе, кроме неё, никого не было, и она, отложив айфон – связь была плохая, – читала книгу, разумеется, на английском.

В Ярославле, когда поезд уже набрал ход и она успела порадоваться, что останется одна, дверь купе открылась, и вошёл черноволосый обаятельный мужчина, по виду – иностранец. На нём был коричневый твидовый пиджак, под которым виднелся канареечно-жёлтый джемпер; бледно-голубые Levi's обтягивали его стройные, мускулистые ноги. Когда он присел на диван, из-под джинсов показались красные носки с зелёными полосками – очевидно, Falke. На ногах – по европейской моде – коричневые полуботинки.

– Доброе утро, – с акцентом произнёс он, подтвердив первое впечатление.

– Доброе утро, – ответила Яна по-английски, подумав про себя: «Итальянец?.. Или испанец?»

– О, вы говорите по-английски – какая удача! Я бы сказал, большая удача – встретить красивую русскую девушку, которая говорит по-английски.

Он говорил бегло, но с заметным акцентом и лёгкими ошибками. Его несколько плоский комплимент, который в другой раз мог бы разочаровать Яну, почему-то ей понравился – она слегка зарделась.

– Да, я хорошо говорю по-английски. И ещё по-немецки, – не без кокетства добавила она. – А вы откуда? И как оказались в России?

– Я здесь по делам. Бизнес. Хочу открыть сеть пиццерий. Мне посоветовали начать с Санкт-Петербурга – как со столицы гурманов. В Архангельск... – название далось ему с трудом, – просто посмотреть город. Не знаю почему, но мне захотелось его увидеть. Может, название понравилось.

– Какое совпадение – я тоже в Архангельск еду.

Дальше всё было как в тумане. Разговор длился и длился, и совсем не хотелось, чтобы поезд прибывал в Архангельск. К ним в купе так никто и не подсел. Он улыбался, шутил, рассказывал про Италию, своё детство, семью и городок, где родился – недалеко от Пизы. Всё было так легко и радостно, что Вере хотелось прямо сейчас упасть в его объятия и уткнуться в его жёсткие волосы, пахнувшие дорогим парфюмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.